ЖУРНАЛ 12 • 2002

МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
12 · 2002

Царю Небесный,
Утешителю, Душе истины,
Иже везде сый и вся исполняяй,
Сокровище благих и жизни Подателю,
приди и вселися в ны,
и очисти ны от всякия скверны,
и спаси, Блаже, души наша

Издательский Совет
Русской Православной Церкви

Ректор Московской Духовной академии А. В. Горский и его вклад в развитие русской церковно-исторической науки

Имя протоиерея Александра Васильевича Горского, ректора Московской Духовной академии, тридцать лет преподававшего церковную историю в той же Академии, обладавшего обширной церковно-исторической эрудицией, в наше время почти не известно. И было бы несправедливо перед светлой памятью этого прекрасного ученого и преступно для всей исторической науки продолжать умалчивать о его деятельности как талантливого историка и основателя собственной научной школы. Эта интересная и сильная личность может и должна быть предметом научного изучения.

Имя Горского неразрывно связано с историей Московской Духовной академии. Ему она обязана своим расцветом и первенствующим положением среди других Духовных академий России, которое она сохранила за собой до самого конца Синодального периода. О Горском, его трудах, научном образе его воззрений, его заслугах в области богословских наук, его значении в истории духовного просвещения написано немного[1] – гораздо меньше, чем можно было бы ожидать, принимая во внимание то, что Горский был труженик науки, и труженик высокодаровитый. К сожалению, по целому ряду случайных причин многое в чтениях Горского по церковной истории дошло до нас в неполном и отрывочном виде. И даже человеку, принявшему на себя труд изучить его систему, едва ли удалось бы воссоздать ее во всей полноте.

Образ Александра Васильевича Горского (1812–1875) – один из самых светлых в истории русской науки, «но есть в нем какая-то трагическая хрупкость. Изящества в этом образе больше, чем силы»[2]. Многим Горский мог казаться человеком запуганным. Не случайно историк С. М. Соловьев прямо обвинял митрополита Московского Филарета в том, что он своим деспотизмом заглушил огромное дарование Горского[3]. Этот отзыв часто принято повторять без проверки. Но такое обвинение совершенно ложно. Верно другое – то, что у Горского в характере и в мышлении всегда чувствовалась какая-то внутренняя связанность и нерешительность. Но это был не страх перед чьим-нибудь осуждением или мнением, пусть даже и мнением епископа, это была некая духовная мнительность. И «засушил» Горского вовсе не святитель Филарет.

Он сам себя останавливал на каждом шагу из какой-то внутренней боязливости. Это видно сразу по его дневникам ранних лет. «К сожалению, чем обширнее становятся его познания, тем, по-видимому, увеличивается и его недоверие к себе. Оно-то и останавливает и его самого, и чрез него других, в печатании трудов», – писали в свое время о Горском современники[4]. И это не было беспомощностью эрудита, знающего слишком много и не умеющего со своими знаниями совладать. У Горского поистине был дар историка, и он вполне владел своими знаниями. Но у него был и какой-то глубокий духовный надлом, надлом умственного характера. И Горский сам это знал. «Небогатый и без того силою самостоятельного разумного мышления, должен каждый шаг делать за

кем-нибудь другим, и легковерием страшусь увлекаться за добрыми и недобрыми водителями»[5], – так говорил он сам о себе в письме к другу, и всегда искал, к кому бы ему прислониться.

В Академию Горский поступил почти мальчиком, в шестнадцать лет, из философского класса Костромской семинарии, на два года раньше обычного срока. И в Академии Горскому учиться было сперва нелегко. Он ведь вовсе не изучал богословия в семинарии и должен был изучать в первый раз то, что другие учили уже во второй.

В Академии у молодого Горского проявился интерес к мистической стороне христианства. В его религиозном облике было немало черт александровского времени, например внимательность к снам и приметам. Но поверх этого западнического мистического влияния легла отеческая волна, и она была сильнее. Это было влияние архимандрита Филарета (Гумилевского), впоследствии архиепископа Черниговского, который в то время был профессором Московской Духовной академии. Он впервые ввел исторический метод в преподавание догматики и сумел пробудить у своих слушателей не только интерес, но и любовь к историческим занятиям. Именно его усилиями Московская Духовная академия стала источником новых, исторических веяний в русском богословии.

В первые годы своего преподавания архимандрит Филарет (Гумилевский) встретил талантливого ученика, который стал его другом. Именно будущий святитель впервые открыл Горскому его призвание историка. На долгие годы их соединила нежная дружеская приязнь и общая страсть к исторической науке. И когда друзья науки стали служить вместе, занятия историей сделались для них насущной пищей. Помощь Горского чувствуется почти во всех работах архимандрита Филарета, это была помощь библиотекаря и критика. Сблизились они сперва на ученой основе, вспоминая впоследствии о долгих беседах на исторические темы, о часах, проведенных вдвоем над рукописями или старопечатными книгами.

Но сближение пошло глубже. Профессор Гумилевский ввел Горского и в мир отеческого любомудрия и аскезы. Он учил его аскетической мудрости и работе над собой. «Дело спасения начинается в нас зимою, именно сокрушением сердечным, крепким самопогружением и стеснением воли, мыслей и чувств»[6]. Архимандрит Филарет предостерегал друга от умозрительных увлечений, от того «почти гностического» духа, которым можно было так легко заразиться из немецких книг. Он учил Горского именно духу практической церковности и канонического послушания, остерегал его подчинять веру доводам науки, остерегал и от самой книжной страсти – опасной, как и всякая страсть. *Вкусите, и увидите* (Пс. 33, 9) – вот способ знания христианской религии: Таинства и молитва. Этот урок Горский твердо запомнил и принял впоследствии священство для укрепления себя в богословской работе и ради радости приносить Бескровную Жертву.

Духовной тишины Горский достигал многими скорбями. Родительский запрет помешал ему последовать за своим другом в иноческом пути. Он с горечью покорился, но ушел в ученый затвор. Позже и сам уже не захотел расставаться с академией, которой отдал всю свою жизнь и любовь. В Горском нас поражает его впечатлительность, восприимчивость, ненасытная способность к познанию. Он много читал. Больше любил читать, чем писать. Но это не было пассивностью или вялостью мысли, таков был образ его мышления.

Горский предпочитал работать по первоисточникам, чтобы из них строить самому. Он не только собирал материал, но сразу же и строил, хотя бы для самого себя. Это была любознательность исследователя, а не любопытство любителя. Когда Горский в 22 года занял в

академии церковно-историческую кафедру, ему приходилось одному прочитывать слишком многое: от библейской истории до позднейших времен. И так долгие годы Горский читал сразу полный курс общей церковной истории и истории Церкви Русской. И на выработку этих курсов уходило очень много времени.

Главным предметом Горского была история Русской Церкви. Прежде всего нужно отметить его работы по описанию славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Плодом напряженной работы нескольких лет было «Описание» библиотеки в шести томах (тома I–V, 1855–1869; том VI, отпечатанный в свое время, выпущен был только в 1917 году). Это не только описание рукописей в собственном смысле слова, это и обоснованная оценка или характеристика памятников и их значения как исторических источников. Достаточно сказать, что замечательный памятник древности, «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, был впервые издан Горским в 1844 году[7]. В том и был замысел митрополита Филарета (Дроздова) относительно Синодального книгохранилища, чтобы ввести весь этот новый рукописный материал в научный оборот сразу же с надлежащим толкованием. Потому и хотел он это поручить «своему» человеку и не любил вмешательства чужих, таких, как М. П. Погодин. Горский выполнил задачу образцово.

Непреходящая ценность его работы в том, что вместо внешнего описания он дал исследование. В особенности это относится к описанию библейских рукописей: до сих пор оно сохраняет огромную важность как опыт по истории славянского текста Библии. Но именно эта работа вызвала много нареканий со стороны цензуры, затруднявшейся пропустить ее. С согласия профессора Гумилевского Горский составил «апологию» против отзыва цензора, защищая свободу исторической критики документов в ее собственной области. И в этих вопросах у него никогда не было колебаний.

Горский был не столько археографом, сколько историком в прямом смысле. Документы и памятники он воспринимал взглядом исследователя. У него было продуманное историческое мировоззрение, своя философия русской истории. С этим и связан его постоянный интерес к внутренней жизни церковного народа: как принималось христианское учение в быту и в жизни. Поэтому его интересовали не столько официальные документы, сколько памятники литературы, особенно жития и проповеди, приоткрывавшие доступ в этот внутренний мир. И именно от уроков Горского восходит такое определение задачи русской церковной истории: изложить жизнь русского народа как общества верующих. К сожалению, в такой постановке и доныне история Русской Церкви еще не написана.

Горский был не только исследователем, не только мастером, но и учителем. Был учителем несравненным, учил словом и жизнью, учил не только на кафедре, но и в библиотеке (он был библиотекарем в академии во все время своей профессуры, до назначения ректором). Он умел пробуждать у студентов энтузиазм в учении, умел пробуждать в них интерес к истории, умел привлекать их к исторической работе, всегда связанной с источниками. Горский внимательно следил за своими и чужими учениками, помогая им советами, предостерегая в случае необходимости.

«Горский был из тех преподавателей высшей школы, которые владели вниманием аудитории и умели увлечь их слушателей, вместе с тем он был выдающимся воспитателем, пользовавшимся огромным нравственным влиянием на студенчество»[8]. Архиепископ Алексий (Лавров-Платонов), один из учеников Горского, ставший профессором церковного права в академии, рисует следующий образ своего знаменитого учителя: «Он учил нас трояким способом: всех

вообще на кафедре, увлекая нас своими глубокими изысканиями, историческими картинами, блестящими характеристиками отцов и учителей Церкви, затем он всех же нас учил на другой своей кафедре – в библиотеке. Это тоже драгоценнейшие для нас его лекции, коими он вводил нас в полное обладание литературою предмета. Но были еще его лекции – lectiones privatissimae (лекции сугубо частные – лат.) – домашние. На эти лекции иногда он призывал нас поодиночке, по поводу прочитанных им наших рассуждений или для сообщения своих мыслей относительно данной темы»[9].

История Русской Церкви всегда была особенно любимым академическим предметом Горского. Здесь им была проделана большая исследовательская работа, открыто и изучено много документов. Горский любил работать для других. В Московской Духовной академии ходит предание, что поразительной глубиной канонического и исторического обоснования своих знаменитых резолюций митрополит Филарет (Дроздов) во многом обязан Горскому. Влияние его чувствуется и во многом другом. Именно он навел Е. Е. Голубинского на мысль исходить в реконструкции устройства и быта древней Русской Церкви из византийского материала. Образцы такого сравнительного анализа он и сам давал в своих лекциях. Горский подсказал Каптереву метод, использованный им в его работах по истории патриаршества Никона, и Каптерев использовал подобранные Горским материалы. Полнота и многосторонность его знаний были поистине изумительны, и потому его влияние простиралось на все отрасли русского богословия. Из его школы вышли не только замечательные церковные историки, но и прекрасные специалисты по патристике, догматике, церковному праву и т. п.

Горский сумел создать в Академии мощное научное движение. Своим личным примером он свидетельствовал о том, что наука есть подвиг и служение. Поэтому во многом благодаря ему в Московской Духовной академии создавалась настоящая школа сильных историков.

Саму церковную историю Горский понимал не как собрание фактов, мертвых и сухих, но как науку, указывающую идею церковно-исторической жизни. Он смотрел на факты как на внешние показатели внутренних отношений и явлений. Горский говорил, что церковная история не должна только собирать факты, но обязана проникать во внутреннюю между ними связь, извлекать идею факта из самого факта. Такова должна быть, по мысли нашего историка, церковная история вообще, таковой же она должна быть и тогда, когда она обозревает частные группы явлений однородного содержания. По Горскому, церковная история должна знакомить не с фактами церковно-историческими, а именно с жизнью церковно-исторической. Зачем приводить факт, если он стоит одиноко, ничего не объясняет в общем течении жизни, если его можно рассказать, но нельзя им ничего объяснить?

Как историк Церкви Горский отличался самым возвышенным взглядом на свой предмет, взирая на него с религиозным одушевлением. Но при этом Горский никогда не забывал той основной истины, что история христианской жизни раскрывалась среди чисто исторических, человеческих отношений, и потому должна изучаться только в связи с этими отношениями. Ведь история Церкви, по мнению Горского, представляет, с одной стороны, Бога в самом ближайшем отношении к человечеству, а с другой – человека в самом высочайшем из его стремлений.

Несмотря на сознание высокой важности и очевидной пользы от изучения церковной истории, Горский однако же хорошо понимал, что достижение цели – серьезное знание этой науки – дело весьма трудное. Мысль о трудности изучения предмета побуждает его обращаться

с различными замечаниями касательно этого предмета к своим слушателям. Он то разъясняет, в чем заключается эта трудность и от чего она зависит, то объявляет, что можно и чего нельзя достигнуть в изучении науки при ревностном занятии ею в Академии. Понимая, какой широтой и необъятностью отличается церковно-историческая наука, каких трудов, сколько времени нужно на основательное ознакомление с ней, Горский не думал требовать от своих слушателей невозможного. «Верх желания для наставника – если он успеет возбудить в своих учениках любовь к науке и желание самому основательно изучать ее»[10]. Это слова поистине опытного наставника, каким и был Горский. С этими словами наш ученый обращается к своим слушателям, и какой задушевностью, какой сердечной теплотой и дружественностью отзываются они в сердцах его учеников!

Отдельные черточки характера, личности А. В. Горского, сохраненные в воспоминаниях современников, в совокупности представляют нам образ одаренного историка с очень привлекательной стороны. Горский твердо помнил непреложные законы истории, смотрел на свой предмет с позиции высокой религиозности, любил его всемерно и желал, чтобы его полюбили другие. Церковная история, как известно, представляет чрезвычайное богатство материалов для профессорских чтений с кафедры. Но достоинство чтений по этому предмету зависит не от широты и подробности изложения той или другой стороны этой науки. Из церковной истории широко и всесторонне можно читать по какому угодно вопросу. Искусство чтений должно выражаться преимущественно в том, чтобы из многого избрать немногое, но характерное и существенное. Если рассматривать чтения Горского с этой стороны, должно будет воздать ему хвалу как истинному знатоку своего предмета.

Он умел останавливать внимание своих слушателей на самом существенном и главном, не подавляя мысли и памяти деталями, специальным и мелочным изложением научных фактов. Язык чтений Горского был спокойным, кратким, чуждым всяких украшений и искусственности. Но это не мешало его чтениям иногда приобретать своеобразную поэтичность. Профессором он был добросовестным и внимательным, желал ознакомить своих слушателей со всем объемом церковно-исторической науки. И он с успехом разрабатывал свой предмет – в этом ему помогало основательное знание новых и древних языков и изумительная память.

Ученик Горского, профессор А. П. Лебедев, говорил, что Горский как историк принадлежал к так называемому объективному[11] направлению. И действительно, что касается до обобщения фактов в смысле исторического прагматизма, до изучения истории в смысле развития церковно-исторической жизни, то таких задач Горский себе не ставил. Нельзя, конечно, думать, чтобы у Горского недоставало таланта для такого рода научной постановки дела. Скорее всего, он просто считал такие работы преждевременными. В самом деле, прагматическая обработка церковной истории возможна только тогда, когда солидно обработаны частные отделы науки, когда уже изучен материал, служащий цели, когда наука может утверждать многосторонность своих сведений. Всего этого, конечно, не было в России в те годы. Русская церковно-историческая наука только начинала свое дело. Рассмотрение церковной истории с точки зрения прагматической – вещь тем более трудная, что православный историк должен выработать свои принципы, независимые от западных образцов, и уже с этой точки зрения обрабатывать свой предмет. Но православный историк может только Православие поставить как исходную и совершеннейшую точку зрения на историческое развитие всех сторон Церкви. Горский же своей научной деятельностью отвечал насущным

потребностям времени. Он не брал на себя широких задач, потому что сначала нужно было утвердить основы науки, нужно было наперед разобраться в научных материалах. А наука церковно-историческая должна была пройти свою историю, но и до наших дней она так и не прошла этот свой тернистый путь.

Исключительные по своим качествам дарования Горского ярко проявились и на административном поприще. В 1864 году Горский был назначен ректором академии и оставался им до самой своей смерти в 1875 году. На время его ректорства пришлась коренная перестройка духовного образования, закончившаяся реформой 1867–1868 годов, которая «имела, может быть, даже большее значение, чем реформа 1808–1814 годов»,[12] и Горский принимал самое непосредственное участие в ее подготовке и проведении. Под его непосредственным и чутким руководством формировались преподаватели и ученые, которым впоследствии суждено было стать деятелями пореформенной Духовной школы в России.

Подытожить свои рассуждения о личности А. В. Горского хочется словами его учеников, которые были напечатаны в юбилейном сборнике, посвященном столетию МДА. «Бесспорно, для Московской Духовной академии громаднейшее значение имеет Александр Васильевич Горский, занимающий первое место за все время столетнего существования академии. Без преувеличения можно сказать, что все лучшее и светлое в академии идет от Горского и академия не утратит окончательно своей богословско-научной силы, пока в ней совершенно не иссякнет дух Горского»[13].

Эти слова ясно и убедительно свидетельствуют о том, что Горский был знающим свое дело первопроходцем русской церковно-исторической науки.

Горский был также theologus pectoralis (богослов душевный – лат.). Он нераздельно сочетал в себе качества исследователя и ученого с качествами человека веры и доброго христианина. Действительно, жизнь Горского была полна своеобразия, которое так свойственно биографиям многих ведущих умов русской культуры, а его научное наследие является неоценимым сокровищем, перешедшим к нам из прошлого дореволюционной церковно-исторической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Для биографии А. В. Горского очень важен его «Дневник». См.: Дневник А. В. Горского / с прим. прот. С. Смирнова. М., 1885; см. также: У Троицы в Академии. 1814–1914. Сергиев Посад, 1914. С. 252–341. Сведения о жизни Горского см.: *Попов С.* Ректор Московской Духовной академии прот. А. В. Горский. Сергиев Посад, 1897. Воспоминания о Горском как профессоре: *Беляев А. Д.* А.В. Горский. М., 1877.

[2] *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 367.

[3] См.: *Соловьев С. М.* Мои записки для моих детей, а если можно, то и для других. СПб., 1907.

[4] *Флоровский Г.* Указ. соч.

[5] Там же. С. 367.

[6] Там же. С. 368.

[7] См.: Прибавления к творениям святых отец. М., 1844. № 2.

[8] *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. М., 1996. С. 435.

[9] У Троицы в Академии. 1814–1914. Сергиев Посад, 1914. С. 290.

[10] *Лебедев А.П.* Церковная историография в главных ее представителях с IV века до XX. СПб., 2000. С. 449.

[11] Там же. С. 465.

[12] *Смолич И.К.* Указ. соч.

[13] У Троицы в Академии. 1814–1914. Сергиев Посад, 1914. С. 7–8.

А. МЕЛЬКОВ,
Коломенская Духовная семинария